

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

Писательская натура Ивлины Во

*(Литературное расследование жизни и творчества английского писателя 20 века
в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК*

Репутация английского писателя **Ивлины Во** (28.10.1903 – 10.04.1966) покоится на двух основаниях: 1) он был одним из лучших стилистов английской прозы двадцатого века, 2) в жизни он был чудовищем - эгоистом, мелочным деспотом, пьяницей, скверным журналистом и болтуном...

Чтобы высказаться по первому вопросу и определиться, что именно представляют собой романы Во - выдающиеся произведения английской литературы или, по собственным словам писателя, «*записки неврастеника с сержантским чувством юмора*», нужно прочитать все его книги. Чтобы сложилось собственное мнение по второму вопросу, нужно обратиться к его жизни.

Давайте вместе с читателями **литературного клуба "Прикосновение" библиотеки "Фолиант"** проведем небольшое литературное расследование и попробуем более внимательно прочесть биографию Ивлины Во.

Дайте мне спокойно поработать хотя бы часик!

...- Брон, не смей отвлекаться от книги!

- Хэтти, закрой дверь!

- Мэг, прошу тебя, ну хотя бы часик дайте мне спокойно поработать!

Ивлин со скрежетом запер дверь на несколько оборотов ключа. Когда же, наконец, вернется **Лаура**?! Неужели беседа с садовником ей дороже благополучия собственных детей!

Она же знает, как у него разливается желчь ровно через десять минут после того, как он остается один на одни со своими шестерыми отпрысками. Увы, он так и не научился их воспитывать, до сих пор чувствует себя беспомощным. Пусть уж лучше Лаура с ними управляется. Пока все, что он смог, так это заставить старшего сына Брона учить наизусть куски из Катехизиса, и сдается Ивлину, что это совершенно садистское наказание...

Счастье, что Лаура не может подслушать этих его крамольных мыслей, ведь она-то настоящая католичка, он же, Ивлин, наверное, только притворяется таковым. Хотя нет, неправда, с тех пор как он женился на Лауре, то есть уже больше двадцати лет, Ивлин из кожи вон лезет, чтобы стать истинным католиком: ездит с лекциями по католическим колледжам, жертвует церкви большие суммы, беседует с пастырями... Но, увы, в отличие от жены он пришел к вере поздно и частенько срывается, такая уж у него натура.

За дверью кабинета раздался страшный грохот, потом испуганное оханье кого-то из детей, и все затихло. Нет, он не выйдет, даже если эти чертенята подожгут дом! Ивлин открыл тяжелую резную дверцу старинного дубового буфета и достал оттуда бутылку коньяка - вот его отличающийся завидным постоянством друг, который прошел с ним по жизни, - через войну, невзгоды, молодость, зрелость...

Грех? Что поделать, если бы один!

Опрокинув рюмку, Ивлин принялся с беспокойством размышлять о предстоящем неприятном разговоре со старшим сыном. Это уж на Лауру не спихнешь, тут ему никак не отвертеться: на письменном столе лежит письмо от директора школы, и новости скверные

- Брон на грани исключения, учится из рук вон плохо, прогуливает, врет, курит. Его до сих пор не выкинули лишь из уважения к его отцу.

Ивлин Во - знаменитый писатель, как теперь его величают, живой классик английской литературы. Глотнув еще коньяка, Ивлин задумался. Перечень преступлений сына, конечно, впечатляющий, ясное дело, этот мальчишка заслуживает хорошей взбучки... Если и дальше так пойдет, у Брона все шансы столкнуться с теми же, мягко говоря, неприятностями, которые в свое время не обошли и самого Ивлина.

Интересно, хватит ли у него духу когда-нибудь рассказать своим детям, каким шалопаем и лоботрясом он был? Может, Брону его история и пошла бы на пользу? С другой стороны, разве сможет Ивлин признаться, что презирал собственного отца и втайне считал его бездарным, патетичным позером. *«А вдруг Брон думает обо мне то же самое?»* - мелькнула беспокойная мысль.

Занятия литературой - семейная практика

По правде говоря, Ивлин считал, что только полнейшее равнодушие, прикрытое красивыми словами о сыновнем благе, привело к тому, что он, младший сын **Артура Во**, вырос неуверенным в себе чудаком и натворил столько ошибок. Отец без энтузиазма хвалил его рассказы - писать Ивлин начал лет с шести, но потом выяснилось, что он и не думал их читать.

Тут Ивлин может себя похвалить: он то о по крайней мере с интересом читает все, что пишут его дети. Между прочим, Брон обожает читать, несколько раз Лаура даже отбирала у него садовый фонарь - парень читал под одеялом.

Отец Ивлина тоже посвятил свою жизнь литературе - он дослужился до поста директора престижного лондонского издательства «Chapmann and Hall», но, к разочарованию сына, писал такие скучные биографии, от которых уже на второй странице сводило скулы. Брат Ивлина - **Алек**, любимчик родителей, тоже очень рано начал сочинять и мнил себя писателем. Словом, занятия литературой в их семье, похоже, неискоренимы, как наследственная болезнь.

Ивлину исполнилось всего десять, когда родители пожелали от него избавиться - так он это воспринял - и отправили вслед за братом в закрытую школу «Лансинг». Ее монолитное здание из серого камня, угрюмо стоявшее в Суссекской долине, больше походило на тюрьму. Одиночество, холод, голод, зубрежка и на каждом шагу издевательства.

В школе Ивлин не пользовался популярностью: он был маленький, белобрысый, широкоскулый, носил очки и ходил смешно подпрыгивая. А еще он ненавидел спорт - то есть не обладал ни одним из того перечня качеств, которыми обычно завоевывают уважение у сверстников. Его единственным развлечением было уединиться на чердаке и там, в полутьме, в обществе пауков и летучих мышей читать привезенные из дома книги или сочинять рассказы и рисовать карикатуры.

В Оксфорде

Однако в отличие от Борна учился он хорошо и в исторический колледж Оксфорда - Хартфорд поступил играючи. Впрочем, про то, как он учился в Оксфорде, детям тоже лучше не рассказывать. Здесь студент Во, маленький, Юркий, горластый, сумел завоевать популярность именно тем, что мешало ему в школе: остроумными карикатурами и сатирическими рассказами, от которых приятели просто падали от смеха.

В комнате Ивлина на первом этаже с окнами во внутренний дворик никогда не переводились гости. Круглые сутки там крутили на стареньком граммофоне модный джаз, хозяин угощал приятелей хересом, а они тащили ему шампанское и пиво - самые популярные напитки в студенческой среде.

Подобно Ивлину многие юные оксфордцы впервые дорвались до свободы. В отличие от школы здесь никто не следил, посещают ли они лекции, не заставлял соблюдать распорядок дня: хочешь - ложись в два часа ночи, хочешь - в два часа дня. И забавляться можно было от души, безоглядно.

Друг Во - **Билли Клонмор** устроил торжественный ужин на крыше церкви, на который все гости явились, в чем мать родила. Потом целая группа студентов во главе с другим закадычным другом Во - **Гарольдом Актоном** целых две недели жила, поменяв местами день и ночь: утром вместо обычных твидовых пиджаков надевали вечерние костюмы и, позавтракав тем, что полагается есть на ужин, ложились спать.

На самом деле дуралею Брону стоило бы прилично окончить школу хотя бы для того, чтобы попасть в Оксфорд, пусть Оксфорд уже давно не тот - Ивлин часто там бывает.

Я никогда не думал, что мой сын окажется пустоцветом

Три с половиной года Ивлин бил баклуши в Оксфорде, так что, естественно, не сумел сдать экзамены на степень магистра, лишился стипендии и покинул университет без профессии и без каких-либо планов на будущее. Поэтому, оказавшись в бурном жизненном море, он тотчас пошел ко дну, словно слепой щенок, Ивлин тыкался носом, не понимая, куда податься. Артур Во, глубоко уязвленный тем, что сын опозорился в Оксфорде и не кончил курса, кажется, в первый раз в жизни имел с Ивлином разговор с глазу на глаз:

- Я никогда не думал, что мой сын окажется таким пустобрехом, то есть пустоцветом, хотел я сказать... Досадно, досадно... В такой талантливой семье, м-да...

Много лет спустя Ивлин Во, описывая корабельную качку в романе **«Мерзкая плоть»**, конечно, имел в виду самого себя в тот период своей жизни: *«Началась качка, то бортовая, то носовая, и пароход, весь дрожа, то замирал на месте..., то прорывал себе путь, судорожно тыкаясь носом, как терьер в кроличьей норе...»*

Его размышления прервал стук в дверь. На пороге стояла Лаура, светловолосая и все еще на удивление стройная, несмотря на рождение шестерых детей. Ивлин стыдливо загородил собой бутылку коньяка на письменном столе. Опять не услышал, как она приехала, унеся в мыслях бог знает куда! Всякий раз стыдно перед женой за свою маленькую слабость...

- Пора ехать к мессе, - мягко напомнила Лаура, делая вид, что не замечает ни прикрытой бутылки, ни побагровевшего от коньяка лица мужа.

Месса. Надо ехать к мессе. Кто придумал мессы в жизни Ивлины? Она, Лаура...

- Да, сейчас едем, я буду готов через десять минут.

Он с трудом затянул ремень на тугом животе, его тайном огорчении. И в который раз подумал: если бы не Лаура, он бы окончил жизнь наподобие своего героя Себастьяна Флайта - попросту спился бы где-нибудь в захолустье.

Для начала Ивлины выгнали из учеников краснодеревщика - нет способностей; он попытался было стать книжным графиком - его обошли другие, видимо, более талантливые. Глаза мозолил пример успехов старшего брата: Алек Во в свои двадцать шесть лет уже опубликовал целых четыре романа!

Ивлин тоже продолжал втайне пописывать «в стол», но по-прежнему никому ничего не показывал, боясь, что и тут потерпит фиаско. И вот наступил день, когда друзья Ивлины устроили ему в Лондоне напоминавшие похороны проводы: с унылой обреченностью Во принял предложение занять место учителя истории в одной из провинциальных школ северного Уэльса. Другого способа заработать он не нашел, а родитель в воспитательных целях не давал ни пенни.

В роли учителя истории

Ивлин Во - учитель! Реки шампанского были выпиты за это немыслимое, нелепое и смехотворное словосочетание. А ему было на все плевать. Он позволил отвратительной толстухе миссис Бэнкс, жене директора, обрядить себя в смокинг с чужого плеча, но при этом из кожи вон лез, чтобы сделать свои уроки настолько скучными, насколько это вообще возможно. Пускай дети его ненавидят, ему до лампочки, он сам все здесь ненавидит и, в первую очередь, себя.

Мальчишки быстро раскусили, что учитель совсем ничего не смыслит в спортивных играх. А еще он никогда не нарезал за обедом ростбиф - то была одна из самых трудных обязанностей педагога в этой образцовой школе. Ивлин просто стоял и вяло кромсал мясо, чуть ли не по десять минут накладывая одну порцию, а голодные мальчуганы обстреливали его шариками из хлебного мякиша. Иногда в него даже летели ложки и вилки...

Впрочем, как ни странно, ученики по неведомой причине полюбили своего чудака-историка! Может, потому, что когда ему наскучивало вещать о походах Карла Великого и разгроме Великой армады, он разрешал ученикам тихо читать любые книги или играть в морской бой, сам же доставал стопку бумаги и погружался в начатый недавно роман. Когда ребята спрашивали, что такое он пишет, Во добродушно отвечал: «Историю эскимосов».

У тебя слишком английский стиль!

В конце концов Ивлин решил послать первые главы своего романа *«Упадок и разрушение»* другу Гарольду Актону, ставшему после Оксфорда известным литературным критиком. В ожидании ответа Во внутренне трепетал, внешне же это выражалось в том, что он ежевечерне напивался до бессознательного состояния в своей убогой учительской конуре. Спасибо мальчишкам: они стойко обороняли комнату любимого педагога от врагов. Стоило на горизонте замаячить директору, ребята принимали огонь на себя, начиная шуметь и куролесить.

Наконец пришел ответ от Актона: *«Милый, у тебя, на мой вкус, слишком английский стиль. Уж очень часто на твоих страницах клюют носом над стаканом вина»*. Далее следовал совет напечатать опус в нескольких экземплярах для друзей, для тех, кто любит вместе с ним пропустить стаканчик...

Получив такой удар, Ивлин впал в какое-то оцепенение, его надежды были окончательно разбиты. Столько лет чутье подсказывало ему: пиши, не валяй дурака, перо - твое единственное оружие, которым, возможно, удастся отбиться от всех неудач... Значит, внутреннему голосу тоже доверять нельзя...

Душила обида. Прежние оксфордские приятели, которых Ивлин хорошо понимал и знал, что они ничуть не лучше, ни в чем не способнее его, процветали: Гарольд Актон преподавал в Оксфорде, **Тони Бушелл** стал успешным актером, **Роберт Берне** развлекался автомобильными путешествиями по Европе...

А он, Ивлин, задыхается от скуки в этой уэльской глухомани. Зеленоглазая **Оливия**, сестра университетского друга **Ричарда Планкетт-Грина**, во время последнего наезда Ивлиина в Лондон дала ему окончательную отставку, не позволив даже поцеловать себя на прощание. Заявила, что он не в ее вкусе.

Несостоявшийся самоубийца, горе - Казанова...

Состояние полнейшей безнадеги кончилось тем, что однажды в полночь Ивлин бросил в печь сочинения своих учеников вместе с собственными рассказами и отправился к морю с твердым желанием покончить *«со всем этим дерьмом»*.

На берегу он сбросил с себя одежду, предварительно убедившись, что в кармане лежит прощальная записка с цитатой из Еврипида, написанная на латыни по памяти после тщательной сверки с учебником грамматики: там было что-то высокопарное о море, которое смывает все людские грехи.

Ивлин уже заплыл далеко, прямо по сверкающей лунной дорожке, как вдруг что-то болезненно обожгло плечо. Медуза! Чертыхнувшись, он развернулся и проворно погреб к берегу. Там, растирая горевшую огнем руку, он смеялся как сумасшедший: даже покончить с собой у него не хватило таланта!

Следующим вечером он вдрызг напился, проник в комнату к экономке и начал грубо к ней приставать. Немолодая матрона подняла невообразимый крик, сбежались педагоги во главе с директором, а горе-соблазнитель сиганул из окна прямо в заросли густой крапивы.

Когда его с позором изгнали из школы, Во испытал счастье узника, освобожденного после многолетнего тюремного заключения. Добравшись до Лондона, он снова заявился к Оливии, с наслаждением мазохиста вновь выслушал ее отповедь, а потом взял и прижал зажженную сигарету к ее нежному смуглому запястью: пусть почувствует, как ему больно!

..И все-таки странно устроена жизнь! Через каких-нибудь два-три года старшая дочь Ивлина - Мэг вступит в возраст тогдашней Оливии. Подумать только, что какой-нибудь придурок вроде молодого Во посмеет выкинуть с ней такое же! Да он задушит этого паразита собственными руками!

Желая заранее защитить свою Мэг от будущих невзгод, он даже подумывал от греха подальше отдать девочку в монастырь. Но вот только имеет ли он право лишать ее личной жизни? Мэг растет красавицей, в мать, и вполне может стать, что характер переймет от его первой любви Оливии или в его первой жены **Ивлин Гарднер**, и будет мучить такого парня, каким был в молодости он сам, или такого, как Брон.

Смешно: став отцом детей обоего пола, человек способен пропустить через свое сердце такие разные переживания!..

Она была недостойна даже моей перьевой ручки...

Фотографии его первой жены дети увидели в доме деда **Артура**. Хотя старик умер в 1941 году, когда старшей дочери Ивлина исполнилось всего три года, мать, овдовев, пожелала оставить в кабинете мужа все так, как было при его жизни. Ни для кого не секрет, отношения Артура и Кейт Во со второй невесткой - Лаурой - не сложились, и в пику сыну старый Во так и не снял со стены снимок яркой, беспечно улыбающейся девушки.

Это был довольно скоротечный брак - он длился всего четырнадцать месяцев, однако ради невесты Во сделал то, на что никогда не пошел бы только ради себя: занялся литературой. Хорошенькая легкомысленная **Ивлин Гарднер**, дочь покойного лорда **Бургклера**, в свое время блестящего политика и члена парламента, легко согласилась стать его женой.

Во влюбился в нее по уши и преследовал с настойчивостью, как сам шутил, *«старой девы, потерявшей надежду»*. Зато мать Ивлин, леди **Бургклер**, была в ужасе, что на руку ее младшей дочери посягнул этот странный тип со скверной репутацией - безденежный эксцентрик, к тому же сильно пьющий.

Во, не желая упустить выпавший ему в жизни шанс - жениться на красавице аристократке, разработал специальный план. Явившись к своему другу Актону, Ивлин прямо в дверях вручил ему рукопись своего первого романа **«Упадок и разрушение»**:

- Читай от начала до конца прямо сейчас и при мне пиши отзыв во все газеты и журналы. Отзыв лучше восторженный, рекомендующий к изданию. Пиши, даже если большего дерьма ты не читал в своей жизни!

Если по рекомендации Актона роман Во напечатают, ему будет чем заткнуть рот будущей теще.

Кто бы мог подумать, что Актон, до этого воротивший нос от всего написанного Ивлином, вдруг придет в искренний восторг? В 1928 году роман напечатали, критика его в самом деле поддержала, а будущая теща дала согласие на брак, почему-то поддавшись самоуверенным заверениям Ивлины в том, что его ждет блестящее писательское будущее.

...- *Почему ты расстался с ней, папа?* - спросила как-то малютка Мэг, обнаружив, что до мамы у папы была другая женщина, которая тоже называлась женой.

- *Она была недостойна даже моей перьевой ручки, сама так сказала,* - отшутился Ивлин.

Но тогда ему было совсем не до шуток. Через пару месяцев после свадьбы жена стала открыто предпочитать ему общество мускулистого глупца по имени **Джон Хейгейт**, похожего на веселого жеребца-переростка, которому Ивлин едва доставал до плеча. Входя в дом, который сняла им теща, Ивлин еще из прихожей слышал звуки расстроенного пианино, на котором брэнчала Ивлин, и раскатистый баритон ее ухажера, горланившего непристойные песни. Ивлин входил, и Хейгерт бросался к нему навстречу со своим крепким рукопожатием, однажды даже чуть руку не сломал!

Изрядно помучив мужа, Ивлин Гарднер его бросила, превратив нервы и самолюбие Ивлины в истерзанный жалкий комок, кричащий от боли при любом прикосновении. Он больше никому не верил, бросался с кулаками на всякого, кто хвалил его роман, подозревал в тайных интригах журналы, в которых вышли несколько его ранних рассказов.

Ивлин думал, что это отец настоял на публикациях, чтобы бездарность младшего сына стала всем очевидна на фоне растущих литературных успехов старшего - Алека. Пожалуй, единственным плюсом стало то, что у Ивлины появилась возможность зарабатывать журналистикой - ему стали заказывать статьи.

Африка, или Попытка повторного самоубийства

Он ухватился за предложение газеты *«Daily Mail»* отправиться в Африку и написать путевые заметки. Если честно, Ивлину хотелось тогда только одного: исчезнуть, сгинуть, навсегда затеряться на Черном континенте - в сущности, это походило на попытку повторного самоубийства.

В отелях и придорожных хижинах компанию Во разделяли издательский фотограф и слуга. Во время совместных трапез Ивлин, никогда не снимавший черных очков (*«В них я могу плакать, когда захочу»*), развлекался тем, что на клочке бумаги скрупулезно подчитывал, сколько денег получит за каждое слово своей писанины.

- *Позавчера накарябал только пятьсот слов, значит, получу пятьдесят центов,* - бормотал он, приводя в бешенство фотографа. - *Сегодня наскреб целых тысячу пятьсот слов, значит, получу... сто пятьдесят.*

Фотограф строчил в редакцию доносы с просьбой избавить его от этого придурковатого писаки. Мало того, что парень просто повернут на деньгах, так вдобавок тащит его в самые опасные места. Если хочет скорее помереть - зачем ему сдались деньги? Или, может, у него долги?

У Ивлины и в самом деле имелся один должок - он копил деньги, чтобы получить разрешение Папы и расторгнуть брак с католичкой Ивлин Гарднер. Он вбил себе в голову, что хочет сдохнуть свободным, но при этом словно нарывался на смерть каждую секунду. Во исколесил всю Кению, Марокко, Южную Родезию, пробирался через пышущую жаром долину реки Саби, потом сто миль тащился почти без воды по саванне.

Однажды на спор с проводником засунул руку в пасть крокодилу и только чудом успел ее выдернуть. В другой раз эксперимент закончился плачевно - мирный, привык-

ший к людям слон, испугавшись пьяного бормотания Ивлина, сбросил его с хобота, и бедняга переломал ноги и руки.

Едва вернувшись из одной командировки, он тотчас напрашивался в следующую. Порой журналы возвращали ему рукопись со словами: «*Это ниже наших стандартов*», но все-таки большую часть печатали. Во и сам был невысокого мнения о своей писанине, пренебрежительно отзываясь о ней, как о «*записках неврастеника с сержантским чувством юмора*».

Как-то ему удалось выторговать у газеты «Daily Mail» аванс в 950 фунтов стерлингов за будущую книгу о начавшейся войне в Абиссинии. За пятнадцать минут, сложив в старенький рюкзак свои пожитки, не забыв упаковать три бутылки виски, Во равнодушно думал: хорошо, если убьют, а не убьют - он наконец расплатится за развод. И что потом? А черт его знает, не все ли равно? Новая война, пожар, потоп - чем хуже, тем лучше.

В Аддис-Абебе Ивлин в основном пил горькую и шлялся по грязным дешевым борделям. С репортажами он вечно опаздывал, о чем свидетельствовали ругательные телеграммы, регулярно приходящие от редакционного начальства.

Однажды Ивлин совершенно случайно узнал о том, что итальянский консул собирается покинуть страну. Это означало: Италия готовится к вторжению в Абиссинию. Во решил утереть нос пронырливым журналистам и доказать начальству, что кое-чего стоит как репортер. Чтобы новость не перехватили конкуренты, он передал ее в Лондон через оператора по-латыни! Наконец-то пригодилось его классическое британское образование! Правда, в газете «Daily Mail» никто не понял, что это за абракадабра, и редактор выкинул сенсацию в мусорную корзину.

Во поначалу был вне себя от бешенства, а потом плюнул: какая разница, разве вся его жизнь не скомкана и не выброшена туда же?

При ком-то писать я не умею...

... Лаура, его вторая жена, объяснила ему, что можно жить по-другому. Дочь аристократа **Обри Герберта** была моложе его на тринадцать лет. Хрупкая девушка с мечтательными глазами говорила, что исповедь очищает душу от грехов и приносит успокоение. К моменту их встречи Ивлин невыносимо устал от неприкаянности, одиночества и пьянства. Ему так хотелось покоя, раз уж смерть его все-таки не забрала.

Впервые он увидел в глазах Лауры слезы, когда она, воздушное восемнадцатилетнее создание, в далеком 1937 году впорхнула в его холостяцкую квартиру поблагодарить за присланные книги. Ивлин тогда случайно поймал свое отражение в зеркале, и ему сделалось не по себе: небритое чудище, развалясь, сидит в плетеном кресле в костюме из дешевого твида и грязных парусиновых туфлях. Рядом - поднос с пустыми пивными бутылками и блюдце, полное окурков; к нижней губе приклеилась сигарета. Боже, что она в нем нашла?

Лаура с матерью недавно была на присуждении ему литературной премии Хоторндепа и вслед за другими повторяла, что он - замечательный писатель. Уже были опубликованы написанные в переездах и путешествиях романы: и «*Мерзкая плоть*», и «*Пригоршня праха*», за которые Во теперь превозносит критика.

И Лаура, эта чувствительная девочка, увидев Ивлина в такой неприглядной обстановке, заплакала и прошептала: ему нужна хозяйка, женщина, неужели он совсем один? Они начали встречаться, он водил ее в рестораны, на званые вечера, театральные премьеры, обращаясь словно с редкой драгоценностью, которую можно сломать неловким движением.

А эта тихоня смотрела ему в рот и восхищалась остроумием. Полная противоположность всем прежним подружкам Во: и **Диане Купер**, и **Клэр Макензи**, и

Пенелопе Четвуд - все они были шумными, бесцеремонными эмансипированными дамами, как он устал от их умничанья!

Во знал, что Лаура до сих пор бережно хранит письмо, в котором он фактически сделал ей предложение, впервые в жизни стараясь быть честным.

-...Я бы мечтал, чтобы вы вышли за меня, но мне немного есть, что сказать в свою пользу. Я суетлив, подвержен переменам настроения, ленив, у меня нет денег, кроме тех, что я зарабатываю, и если я заболею, вам придется голодать. Правда, всегда есть шанс, что вы выйдете за богатого, но случится экономический кризис - и вам рядом с ним тоже придется голодать, а вот зато я способен выкрутиться из любой ситуации и заработать хоть немного при любых обстоятельствах. Я практически уверен, что не стану изменять вам. Но большое «но»: несколько месяцев в году нам придется жить отдельно, чтобы я мог писать, при ком-то писать я не умею.

Ее не испугало это признание, и под лучами ровной и тихой любви жены Ивлин впервые почувствовал, что такое душевный покой.

Человек и сам-то себя не знает, что уж говорить о других...

Однако человека не изменишь в один момент, если это вообще возможно. Еще до свадьбы Ивлин принял католичество и изо всех сил старался ради жены быть хорошим христианином, но проклятая писательская натура частенько мешала, вылезая как шило из мешка.

Работать дома, особенно когда у них с Лаурой начали рождаться дети, он не мог, о чем заранее ее предупреждал. Приходилось на два-три месяца уезжать куда-нибудь к морю и там на воле писать и пить, без этого он не мог. Однажды сгоряча он выпалил Лауре, что в миллион крат труднее написать стоящую книгу, чем сделать ребенка, и в ужасе ждал, что после этого она его непременно выгонит. А жена только опустила свои нежные серые глаза и тихо сказала: *«Я понимаю»*.

Как она могла это понимать, если он сам этого толком не понимал? Ивлины постоянно терзали мысли, что он никудышный отец, он чувствовал себя неуютно в этой роли и узнавал в себе интонации своего отца, когда делал замечания детям:

- *Не ковыряйте в носу!*
- *Поменяйте тему разговора!*
- *Сядьте прямо!*

Не исключено, что после его смерти дети в своих мемуарах напишут о нем невесть что и будут правы: эгоист, мелочный деспот, пьяница...

Но что дети, в сущности, о нем знают? Ведь он, Ивлин, точно так же не знал собственного отца, человек и сам-то себя не знает, что уж говорить о других!

Например, лишь в 1945 году, сорока двух лет от роду, после выхода романа **«Возвращение в Брайдсхед»**, Ивлин узнал, что он, оказывается, выдающийся писатель, а вовсе не скверный журналист и болтун, знаменитый разве что своим легендарным пьянством.

Между прочим, Лаура так и не прочла даже первой главы его романа, хотя он умолял ее:

-Заставь себя прodrаться сквозь чащобу моих слов, сквозь мое косноязычие. Может, тогда ты поймешь меня лучше, простишь мои странности, мои дикие выходки, отлучки из дому, страсть к одиночеству, неумение общаться с детьми притом, что я искренне их люблю...

...Мысли Ивлины вернулись к сыну Брону. Как же старший сын похож на него самого! Но что же все-таки сказать, ведь он обещал Лауре поговорить с сыном по поводу этого проклятого письма директора. Заметив, как Брон во время католической мессы

рассеянно смотрит по сторонам и от скуки ковыряет в носу, Ивлин вдруг наклонился к самому его уху.

- Брон, давай сбежим отсюда, а?

Мальчишка недоверчиво покосился на отца, но поймав в его глазах лукавый огонек, быстренько сорвался с места. По дороге Ивлин вдруг выпалил:

- Слушай, Брон, не знаю, что тебе сказать, ну, про эту чертову школу... Словом, знай, я тебя просто люблю, вот и все... А про школу ты там сам решиай, угу?

P.S. Ивлин Во умер в своем доме 10 апреля 1966 года от инфекции.

Его сын Оберон Во стал известным писателем и журналистом. Любимую дочь Ивлиана Во Маргарет в 1986 году сбила насмерть машина. Лаура умерла через семь лет после самого Во - дети говорили, что она так и не смогла пережить утрату любимого мужа...

Литература:

1. Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры// Зарубежная литература XX века / Ред. и сост. В. И. Новиков. - М. : Олимп : АСТ, 1997.
2. Гениева Е. Ивлин Во. Библиографический указатель. М., 1981 Во И. Собрание сочинений, тт. 1-5. М., 1995-1996
3. Пэгги Л. Ивлин Во: Трудное признание/ Лу Пэгги//Караван историй. - 2010.- №6. - Стр. 130 - 147.
4. Сайт: <http://briefly.ru/>.